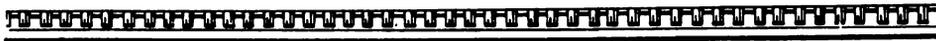

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 1997 г.

М.Г. АБРАМЗОН. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. 656 с. Илл.

В последние годы среди российских ученых заметно повысился интерес к идеологическим и политическим процессам в Римской империи¹. Новым подтверждением этого является рецензируемая работа, в которой политика императоров и лежащая в ее основе идеология впервые специально рассматриваются в зеркале данных нумизматики. Монография М.Г. Абрамзона отвечает на актуальную потребность систематизировать многообразнейшие монетные типы и интерпретировать их не только как важный источник фактических сведений, но и как неотъемлемый компонент политического процесса. В русле такого подхода автор стремится решить широкие и непростые задачи: проследить по монетам характерные черты и изменения официальной идеологии, политики и культуры, определить направленность монетной пропаганды и эффективность ее воздействия на общество.

Монография состоит из общего введения, пяти частей, разделенных на главы и параграфы, заключения, библиографии, указателей иллюстраций, имен и географических названий, имеет резюме на английском языке. Книга добротна иллюстрирована, в том числе цветными фотографиями.

Во введении определяются основные направления и проблемы исследования, дается краткий обзор историографии и источников. Несомненно, изображения, надписи и дифференцы на монетах весьма информативны, но лишь в той степени, в какой возможно увязать их с конкретными историческими ситуациями, персональными устремлениями отдельных правителей и политико-идеологическими процессами в обществе, в том числе с тем процессом воздействия власти на население, который принято называть пропагандой. Выявление таких связей – проблема для заявленной в монографии темы, безусловно, ключевая и методологически наиболее сложная, ибо предполагает комплексный сравнительный анализ различных видов источников, в чем автор вполне отдает себе отчет. Однако, априорно признавая и всячески подчеркивая значимость монеты как инструмента политической пропаганды, он никак не оговаривает проблематичности использования самого термина «пропаганда» (ни применительно к монетным выпускам, ни в отношении к другим формам общения правителей с различными слоями населения), на что уже обращалось внимание в литературе и высказывались вполне скептические суждения на сей счет и даже обозначилась тенденция к отказу от данного понятия².

Основную часть монографии открывает «Краткий очерк развития монетного дела Римской империи», в котором дан обзор монетной системы и денежного обращения, организации общегосударственной и городской чеканки. Главное внимание уделяется контролю правительственных органов (в частности, коллегии *tres viri monetales*) и лично императоров за деятельностью монетных дворов. В развитии монетного дела империи автор прослеживает две противоположные тенденции: к централизации, начатой Августом и усилившейся при Клавдии и Нероне, и к децентрализации, связанной с невозможностью обеспечить империю всей массой монет только за счет столичной чеканки. Процесс децентрализации усилился при Северах, когда чеканка монеты стала следовать за армией,

¹ *Шифман И.Ш.* Цезарь Август. Л., 1990; *Чернышов Ю.Г.* Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме. Ч. 1–2. Новосибирск, 1992; *Межеричкий Я.Ю.* «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. Москва – Калуга, 1994; *Парфенов В.Н.* Принципат Августа: армия и внешняя политика. Саратов, 1994. Деп. в ИНИОН РАН, № 488859.

² *Межеричкий.* Ук. соч. С. 309 слл. (обзор основных подходов и важнейшей литературы).

сделал новый шаг после восстания монетариев при Аврелиане и завершился к концу III в. По мнению автора, императорский монетный двор с точки зрения его внутренней структуры был устроен по принципу военной организации (с. 70) и контролировался в конечном счете императором, который мог непосредственно заказывать либо утверждать те или иные монетные типы. Сенатский монетный двор оставался под контролем префекта эрария Сатурна и подчиненных ему *tres viri monetales*. В конце I в. до н.э. имена этих триумвиров исчезают с монет, что свидетельствует о еще большем сосредоточении в руках принцепса контроля за чеканкой сената, хотя сама коллегия функционировала и впоследствии, сохраняя значение одной из начальных ступеней в государственной карьере.

В характеристике городской чеканки автор останавливается прежде всего на должностных лицах, от имени которых осуществлялся выпуск монеты в греческих городах империи, и отмечает, что в отличие от более раннего периода должность монетного магистрата стала прерогативой высших должностных лиц с солидным положением в обществе. Городская верхушка, входившая в коллегии императорского культа и лояльная центральной власти, требовала от резчиков создания монетных типов, отвечающих конъюнктуре официальной пропаганды. Таким образом, как центральные, так и местные эмитенты учитывали и личные взгляды императоров, и компоненты официальной идеологии, и привычки местного населения.

Вторая часть, озаглавленная «Римская армия и ее лидер по данным нумизматики»³, не случайно занимает центральное место в книге. Прежде всего, почти все монеты военной чеканки и около половины всех монет императорского времени, по мнению автора, несли изображения и лозунги, рассчитанные на легионеров и ветеранов. Однако нумизматические источники почти не привлекались для изучения идеологии, системы ценностей и политической роли армии, хотя, как не без преувеличения заключает автор, «в монетных типах с сюжетами на военную тему проходит вся жизнь римской армии и ее лидера, как чисто военно-профессиональная ее сторона, так и идеологическая» (с. 586). В данном разделе М.Г. Абрамзон решает двудеятную задачу: создать типологический репертурий монет с военными сюжетами (основные данные здесь, как и в следующих разделах, суммируются в виде таблиц) и, сопоставив нумизматические материалы со свидетельствами других источников, определить роль монетной пропаганды в отношениях войска и императора. Раздел включает пять глав, в которых рассматриваются соответственно: пропаганда моральных ценностей армии и ее военно-политического единства с императором, традиции военной чеканки в императорский период, отражение в монетных типах внешней политики Рима, роль императора как полководца и, наконец, религия римских солдат.

Нетрудно заметить, что в содержании названных глав и других разделов книги есть немало взаимопересекающихся вопросов. Это влечет определенные повторы, но они в общем-то неизбежны, поскольку изображения и надписи на монетах по причине своей лаконичности далеко не всегда могут быть однозначно классифицированы и истолкованы. Например, монеты с изображением военных штандартов рассматриваются и в главе о культах армии, и в главе о внешней политике Рима. Нумизматические данные, характеризующие официальную религиозную политику, нередко те же, что связаны и с армейскими культами. Идея единства армии и ее лидера находила выражение в самых разных типах, а не только в легионных монетах или типах *Concordia exercituum* и *Fides militum*. Не совсем правомерно ограничивать понятие воинской дисциплины, как делает автор, только военным делом, учением, военной наукой и рассматривать монеты с соответствующей легендой в контексте темы «Император как полководец», исключая это понятие из круга военно-этических категорий и сферы религиозного культа⁴. Заметим также, что глава «Внешняя политика Рима в монетных типах», на наш взгляд, отчасти выпадает из темы «Армия и ее лидер», поскольку римская внешняя политика отнюдь не всегда базировалась на военных средствах.

М.Г. Абрамзон справедливо заключает, что монеты практически не дают представления

³ Данный раздел является переработанным вариантом предыдущей публикации автора: *Абрамзон М.Г. Римская армия и ее лидер по данным нумизматики*. Челябинск, 1994.

⁴ О культе дисциплины см. *Ankersdorfer H. Studien zur Religion des römischen Heeres von Augustus bis Diokletian*. Diss. Konstanz, 1973. S. 136–139; *Birley E. The Religion of the Roman Army: 1895–1977* // ANRW. II. 16.2. 1978. P. 1513–1515; *Ziólkowski M. Epigraphical and Numismatic Evidence of Disciplina* // *Acta antiqua*. 1990–1992. 33. 1–4. P. 347–350. О ценностных аспектах понятия дисциплины см. *Махлаук А.В. Некоторые ментальные аспекты корпоративности римской армии (I–III вв. н.э.): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1994. С. 17–19.*

об изменениях в системе ценностей и психологии солдат, объясняя это консервативностью воинской ментальности и стремлением большинства императоров в своих отношениях с армией прокламировать приверженность традиционной римской морали, несмотря на непреодолимый разрыв между официальной пропагандой и реальностью (с. 105 сл.). Однако, если античные авторы (немногочисленные примеры из сочинений которых приводит автор) подтверждают укорененность среди воинов понятий доблести, воинской чести и долга, то мысль о том, что в отдельные периоды вполне можно говорить о популярности в военных кругах идеи *Libertas*, вряд ли можно подкрепить ссылками на литературные источники, которые рисуют совсем иные ценностные ориентации солдат периода гражданских войн⁵. Не ясно также, почему *Libertas* в таких случаях неизбежно связывалась с *evocatio* и *fides* (с. 115). В данном вопросе, как и в ряде других, автор без должной аргументации именно военных называет адресатами определенных пропагандистских лозунгов и сюжетов.

Одной из традиций военной чеканки был выпуск особых монет, являющихся своеобразной формой почестей, которые император оказывал войскам за проявленные *fides* и *pietas*. Это предназначенные преимущественно для донатив монеты с названиями отдельных легионов, армий и частей. Такие монеты выпускались, как правило, во время гражданских войн и других боевых действий или в память о подвигах отдельных легионов⁶. Утверждая, что со времени Траяна и Адриана римская армия постепенно превращается в «полуседлую армию военных переселенцев» (с. 150), М.Г. Абрамзон связывает с этим процессом появление монет серии *Exercitus*, на которых фигурируют названия локальных армий (*Exercitus Parthicus*, *Hispanicus*, *Numidicus* и т.д.) и изображены император и воины в римской форме и вооружении. Характер формы почему-то смущает автора, полагающего, видимо, что солдаты должны были бы быть в национальной экипировке. Но под названными *exercitus*, несомненно, подразумеваются группировки, дислоцированные в данной провинции или предназначенные для похода в соответствующую страну.

Рассматривая отражение в монетах внешней политики Рима, М.Г. Абрамзон обращает внимание на коммеморативные выпуски в честь побед римского оружия и успешных дипломатических актов, а также на монеты зависимых государств, втянутых в орбиту римской внешней политики. В ряде случаев монеты этих серий дополняют сведения других источников (например, сестерции Антонина Пия, свидетельствующие о назначении им царей Армении и квадам). Монетные выпуски, связанные с важнейшими событиями внешнеполитической истории Рима, обобщены в таблице 5 (с. 220–230). Из нее, правда, не ясно, какие военные действия на Рейне и в Галлии против кимвров, тевтонов и галлов подразумеваются на денарии, выпущенном в 115 г. до н.э. Титом Дейдием и повторенном потом Траяном.

Военная сторона деятельности императоров рассматривается в главе IV на основе типов *Princeps iuventutis*, *triumphator*, *adventus*, *adlocutio*, *decursio* и др. Здесь же разбирается вопрос о военных титулах императоров⁷. Приведенные материалы показывают, сколь большое место занимала в монетных выпусках пропаганда военных успехов и самой идеи «непобедимого императора».

Что касается религии римской армии, то собранные в монографии данные вполне подтверждают уже высказывавшийся в литературе тезис о практической тождественности армейской и государственной религии⁸. М.Г. Абрамзон отмечает роль принцепса как религиозного лидера (что отразилось, на взгляд автора, в монетах с изображением предметов жреческого обихода и императора в одежде авгура), подчеркивает официальный характер культа военных знамен, подробно рассматривает монетные версии так называемых *dii militares* (в круг которых он включает и богов-покровителей отдельных императоров, в том числе восточных – Сераписа, Исиду, Аттиса, Кибелу), а также останавливается на некоторых локальных и неофициальных культах, фигурирующих в

⁵ *Jal P.* Le «soldat des guerres civiles» à Rome à la fin de la république et au début de l'empire // *Pallas*. 1962(1964). XI. P. 7–27.

⁶ В описании легионных монет следовало бы, возможно, уточнить, что связанные со знаками Зодиака пегас, кентавр, козерог и другие изображения были эмблемами легионов (см. *Keppie L.* The Making of the Roman Army: From Republic to Empire. L., 1984. P. 139 ff.).

⁷ Автору осталась неизвестной специальная работа, посвященная этому вопросу: *Kneissl P.* Die Siegestitulatur der römischen Kaiser // *Hypomnemata*. Ht 23. Göttingen, 1969.

⁸ *Watson G.R.* The Roman Soldier. New York–Ithaca, 1969. P. 128. Ср. также интересное наблюдение Я.Ле Боека о совпадении божеств в солдатских посвящениях и монетных эмиссиях соответствующего отрезка времени (*Le Bohec Y.* La IIIe légion Auguste. P., 1989. P. 550).

выпусках, предназначенных для армии: в частности Юпитера-Аммона, Гликона, Баал-Хамона и других. По нашему мнению, не все из этих культов можно с уверенностью признать действительно распространенными в армии. Религиозная жизнь армии, конечно, не исчерпывалась культами, отразившимися в монетах. Свидетельства эпиграфики и папирусов⁹ гораздо разнообразнее и полнее, и сопоставление с ними нумизматических данных могло бы быть довольно красноречивым, особенно для оценки степени эффективности тех или иных средств идеологического воздействия на солдатскую массу.

В целом раздел, посвященный армии, представляет несомненный интерес, сводя воедино весьма показательные нумизматические материалы. Тем более досадно наличие в тексте работы фактических неточностей и малодоказательных положений. Укажем лишь на наиболее бросающиеся в глаза. Жалование легионерам при Домициане было повышено на треть (с 225 до 300 денариев), а не в 3 или 4 раза, как пишет автор (с. 93, 133). Говоря о том, что из 23 или 25 легионов, существовавших при Августе, к III в. осталось 19 (Dio Cass. 53.23), следовало бы уточнить, что имеется в виду сохранение легионов под теми же номерами и названиями, а всего в начале III в. было 33 легиона. Ошибочно звучит утверждение, что «начиная с конца II в. н.э. среди воинов появляются и христиане, составляющие иногда целые легионы» (с. 265): ведь автору известны и другие версии знаменитого эпизода с легионом XII Fulminata, давно признанного недостоверным и церковными историками¹⁰. Коммода едва ли можно называть первым «солдатским» императором (с. 119). Необоснованным выглядит вывод, что на антонинианах Деция культ гения императора сливается с культом гения иллирийского войска (с. 273). Следует указать также на существенные пробелы в использованной автором литературе¹¹.

Часть III монографии посвящена проблемам возникновения императорского культа¹² и отражению в нумизматике религиозной политики императоров. В отдельную главу выделен вопрос о значении добавочных элементов монетных типов (надписей и дифферентов) в пропаганде религиозной политики, что, наверное, не совсем целесообразно, так как монеты выполняли свою идеологическую функцию в единстве всех своих элементов. В данном разделе книги наиболее интересен анализ истоков и эволюции культа императора, которые прослеживаются на основе тщательного изучения стилистических и семантических аспектов императорских изображений на монетах.

Отмечая новации и традиционализм в религиозной политике императоров, автор касается и проблемы синкретизма римской религии. Трудно, однако, согласиться с утверждением, что синкретические культы (Гликона, Dea Caelestis, Эквитас-Немезиды, Гадеса-Сераписа, Зевса-Сераписа и др.) имели место только (!) среди легионеров той или иной армии благодаря долгим контактам с местным населением либо в связи с выбором данного божества в свои покровители императором (с. 454).

Отразилась в нумизматических памятниках и борьба между язычеством и христианством. Примером тут могут служить выпущенные языческой аристократией Рима в IV в. конторниаты, призванные популяризировать языческую религию и нехристианских императоров¹³ в противовес прохристианской политике Константина I. В то же время монеты последнего и его преемников показывают, сколь живучи были традиционные сюжеты и символы, лишь постепенно уступавшие место христианской иконографии и символике.

Заключительная часть книги посвящена культурной политике императоров, пропагандируемой с помощью монет с изображениями памятников архитектуры, скульптуры и

⁹ Я имею в виду прежде всего *Feriale Duranum* (P. Dur. 54) – известный документ из Дура-Европос с перечнем официальных религиозных празднеств, отмечавшихся в войсках. См.: *Fink R.O. Roman Military Records on Papyrus. Cliveland (Ohio), 1971. № 117. P. 422–429; Helgeland J. Roman Army Religion // ANRW. II. 16.2. 1978. P. 1481–1488.*

¹⁰ *Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. Т. 2. СПб., 1910. С. 81–82.*

¹¹ Остались неизвестными автору работы, названные нами в примечаниях 4, 7, 8, а также целый ряд других. Так, говоря о редкости исследований по идеологии и психологии легионеров, он ссылается лишь на старую книгу Г. Буассье (Общественное настроение времен римских цезарей. Пг., 1915), хотя можно указать на ряд новых исследований: *Le Bohec Y. L'armée romaine sous le Haut-Empire. P., 1989. P. 251 suiv.; Carrié J.-M. Il soldato // L'Uomo romano / A cura di A. Giardina. Bari, 1989. P. 99–142.*

¹² Ср. *Абрамзон М.Г. Римский императорский культ в памятниках нумизматики. Магнитогорск, 1993.*

¹³ В эту серию не совсем логично попадают конторниаты с изображением Саллюстия и Апулея (с. 468, табл. 16).

живописи, а также коммеморативными монетами, выпущенными по случаю игр и празднеств. Интересуясь в первую очередь идеологическим аспектом появления таких изображений на монетах императорской и городской чеканки, автор подчеркивает, что зрелищная и мусическая сферы теснейшим образом переплетались с религиозно-культовой и служили утверждению идеи величия Рима, прославлению его святынь. В противоположность имеющимся мнениям¹⁴ автор приходит к выводу, что с точки зрения политической пропаганды монеты оказывали на население даже большее воздействие, чем изобразительное искусство. По его словам, «каждый подданный империи... должен был немедленно узнавать знаменитый памятник искусства, изображенный на монете» (с. 548, ср. 293, 498, 546).

В данном случае, как и во всей работе, автор, увлекаясь своим предметом, явно склонен преувеличивать мощь и эффективность монетной пропаганды, отдавая монетам первенство среди прочих средств воздействия. Данная точка зрения подкрепляется лишь общими рассуждениями о том, что при отсутствии печатного слова¹⁵ именно монета, легко тиражируемая и имеющая колоссальное разнообразие типов, ориентировалась практически на все группы населения (с. 94–95, 295–296). Деньги, по выражению автора, «использовались на самых низких уровнях повседневной жизни» (?!), поэтому подданные, которые «ежечасно смотрели на монеты», вольно или невольно сталкивались с идеологической политикой правительства и вынуждены были «впитывать» официальную пропаганду через сюжеты изображений и лозунги. Но сам автор все же признает, что в конечном счете люди больше интересовались качеством металла в монете, а между официально провозглашаемыми лозунгами и реальным положением дел существовал огромный разрыв. В книге мы не находим ни одного факта сколько-нибудь ощутимого воздействия монеты (в ее идеологической, а не валютной функции) на поведение и сознание какой-либо группы населения, скажем легионеров. Зато известно немало фактов, когда живое слово или личный пример полководца пробуждали в солдатах чувство верности и доблесть, а демонстрация им воинского товарищества делала осязаемым его единство с войском¹⁶. Равным образом консервативные устои религиозной системы римской армии воздействовали на мировоззрение солдат¹⁷ в гораздо большей степени, нежели монеты с изображением соответствующих сюжетов, сколь бы часто воины на них ни смотрели. Очевидно, примерно то же самое можно сказать и о других слоях населения, которые не выделяются автором в самостоятельные группы адресатов монетной пропаганды. Оценить степень эффективности последней, опираясь почти исключительно на нумизматические материалы, вряд ли возможно, и даже самое тщательное сопоставление этих материалов с данными других источников, будь оно проведено в книге, не могло бы, наверное, привести к более или менее однозначным выводам. Скепсис в решении такого рода проблем кажется все же более уместным.

Если категоричность некоторых суждений исследователя можно отнести на счет принятой им концепции, то довольно многочисленные неточности и огрехи являются скорее следствием авторской небрежности. Так, автор не всегда корректно обходится с латинскими терминами и выражениями. Например, *fides* он переводит как «священная клятва» (с. 97), *Clementia temporum* – как «щедрое время» (с. 477, табл. 17), *veneranda memoria* – как «вечная память» (с. 479). *Spolia opima* (а не *optima*, как в тексте) – это не просто лучшая часть добычи, приносимая в храм Юпитера-Феретрия (с. 507), но доспехи, снятые с неприятельского вождя одолевшим его в единоборстве римским полководцем. *Puellae Faustinae* на ауреце Антонина Пия – это не «дочь Фаустины» (с. 527), но «Фаустининские девочки» – *alimentariae puellae* (упомянутые в *SNA. Ant. Pius. 8.1*), дочери неимущих родителей, находящиеся на иждивении алиментарных фондов, созданных Нервой и

¹⁴ Так, по мнению С. Прайса, монументальная скульптура, а в особенности публичные церемонии и ритуалы, были гораздо действеннее монет (*Price S.R.F. Rituals and Power: the Roman Imperial Cult in Asia Minor. Camb. e.a., 1986. P. 101*).

¹⁵ По мнению М.Г. Абрамзона, с падением авторитета сената почти исчезла необходимость в таком общегосударственном средстве пропаганды, как *asta diurna*. Можно, однако, вспомнить слова одного сенатора в «Анналах» Тацита (16.22.3) о том, что «ежедневные ведомости римского народа с особым вниманием читаются в провинциях и войсках, потому что все хотят знать, что еще натворил Трапея».

¹⁶ *Махлаюк А.В. Воинское товарищество и корпоративность римской императорской армии // ВДИ. 1996. № 1. С. 35 сл.*

¹⁷ *Helgeland. Op. cit. P. 1501 ff.*

Траяном. Надпись на солидах Феодосия II *Securitas rei publicae* автор называет «парадоксальным», «абсурдным» лозунгом (с. 469, 474), но очевидно, что *res publica* здесь означает не форму государственного устройства, но государство вообще. Стенной венком (согопа *muralis*) на с. 311 неудачно назван «муральной короной».

Кроме неудачных выражений и многочисленных опечаток, есть в тексте и чисто фактические неточности. В божественной паре с Антонием-Дионисом Клеопатра представляла не Афины (с. 304)¹⁸, но Афродиту-Исиду (*Plut. Anton.* 26,54). Филипп II назван «царем из династии Селевкидов» (с. 336), а Каллиопа – Музой не только эпической поэзии, но и науки (?). На с. 365 говорится, что гражданский венок (согопа *civica*) со времен Августа могли носить только императоры, однако и в императорское время известны примеры награждения этим венком простых воинов и командиров (*Tac. Ann.* 3.21; 12.31; *CIL.* XI. 7264=ILS. 9194). Фракия стала 34-й, а не «одной из первых римских провинций» (с. 194). Отметим также некоторые неверные ссылки на источники. Дион Кассий о триумфе Домициана пишет в книге 67.7, а не в 18.7.4 (с. 170), о походе Калигулы в Германию – в 59.21–22, а не в 50.59 (с. 282), об итогах II Дакийской войны Траяна – в 68.11, а не в 17.11.4 (с. 171). О пожаре храма Юпитера Капитолийского в 69 г. сообщает Тацит (*Hist.* 3.71), а не Ливий (3.70), как указано на с. 69.

Ограничившись данным перечнем, в качестве общего итога констатируем, что книга М.Г. Абрамзона, охватывая широкий круг проблем и давая довольно полезное обобщение ценного материала, показывает в то же время, что разработка любой масштабной темы настоятельно требует как концептуальной четкости, так и тщательности в деталях. К сожалению, ни то, ни другое нельзя, наверное, отнести к числу бесспорных достоинств рассмотренной работы.

А.В. Махлаюк

* * *

До последнего времени в отечественной историографии отсутствовали специальные исследования, посвященные римским монетам как источнику по изучению императорской пропаганды, поэтому трудно переоценить значение выхода в 1995 г. монографии объемом более чем в 600 страниц, с подробной библиографией, индексами, ста шестью иллюстрациями, из которых сорок пять – цветные. На протяжении всего XX века мировая историография в области вспомогательных исторических дисциплин развивалась, в отличие от отечественной, очень интенсивно, поэтому достойны большого уважения попытки российских специалистов ликвидировать образовавшееся отставание. Перед ними встает задача повышенной сложности: повторяя для русскоязычного читателя основные положения «пропущенных» им достижений западных историков, попытаться в то же время не ограничиться только повтором.

История изучения изображений и легенд на римских монетах началась давно, с выхода *Doctrina nummorum veterum* Эккеля¹. В конце XIX – начале XX вв. появляется огромная серия статей на эту тему в таких специальных журналах, как *Numismatic Chronicle*, *Numismatische Zeitschrift*, *Revue belge de numismatique*, *Revue numismatique*, *Rivista italiana di numismatica*, *Zeitschrift für Numismatik* и т.д. Основные данные этих работ суммированы в изданиях музейных коллекций и корпусов римских монет Г. Грюбера, Г. Маттингли, Э. Сайденхэма, К. Сазерленда и П. Вебба и др.² В этих работах, кроме собственно каталога, содержится также анализ значений легенд и изображений на римских монетах. Авторы исходили из того, что легенды всегда упоминают реалии политической, экономической, культурной или религиозной жизни, считая возможным, соответственно, искать в других источниках объяснения для каждого монетного типа. Вот характерные примеры рассуждения. Адриан разоблачил заговорщиков в начале своего правления (*SHA. Hadr.* 5. 5–6; 7. 1–2) и этим

¹⁸ Вероятно, автор следует М.С. Корелину, чью работу цитирует на с. 325 (Падение античного мирозерцания. СПб., 1901. С. 25).

¹ *Eckhel P. Doctrina nummorum veterum.* V. 1–8. 1792–1798.

² *Grüber H. Coins of the Roman Republic in the British Museum.* I–III. L., 1910; *Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum.* I–V. L., 1923–1950; *Mattingly H., Sydenham E., Sutherland C., Webb P. The Roman Imperial Coinage.* I–V. L., 1923–1949 (далее – RIC).